

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Лугавцовой Алёны Петровны
«Школа О:баку в истории Японии периода Эдо (1603–1868)»,
представленную на соискание степени кандидата исторических наук,
по специальности 5.6.2 – всеобщая история

Актуальность темы представленного диссертационного исследования несомненна и определяется недостаточной разработкой проблемы истории взаимоотношений государства и институализированной религии на Дальнем Востоке в современной отечественной и зарубежной науке. При исследовании данных отношений также следует учитывать ту роль, которую национальная культура играет в формировании взаимоотношений различных религиозных сообществ в определенный исторический период и то влияние, которое этот процесс оказывает на формирование политической идеологии. Диссертационная работа А.П. Лугавцевой «Школа О:баку в истории Японии периода Эдо (1603–1868)» базируется на исследовании подобной ситуации в Японии периода Эдо (1603–1868), который является важнейшей вехой в истории Японии, ознаменовавшей экономический, политический и культурный подъем после полутора веков феодальной смуты «сэнгоку дзидай». С одной стороны, социально-политические процессы эпохи Эдо способствовали дальнейшей трансформации буддийских школ в условиях нового времени, с другой, в идеологии периода Эдо, во многом обусловленной изоляцией страны и борьбой с христианством, на передний план вышло неоконфуцианство, что обусловило постепенную утрату буддийских школ своей прошлой значимости как основной государственной идеологии. Однако, как показывает в своем исследовании автор, подвергая сомнению устоявшееся мнение о том, что данная эпоха являлась для японского буддизма период духовного застоя, именно в эпоху Эдо появляется новое направление дзэн-буддизма - школа О:баку (яп. 黄檗),

проникшая в Японию из Китая в период изоляции страны благодаря деятельности китайских монахов-эмигрантов. По мнению автора, формирование школы О:баку имеет особое значение для Японии XVI – XIX вв., поскольку она не только оказала существенное влияние на структуру местного дзэн-буддизма, но и открыла новые перспективы для развития японской культуры, поскольку привнесло в традиционные виды искусства (живопись, каллиграфию, скульптуру) наследие культуры минского Китая, что даёт возможность выявить новые аспекты в изучении традиционной культуры Японии. Актуальность исследования данной темы также обусловлена тем фактом, что в наше время школа О:баку по-прежнему является одним из крупнейших направлений дзэн-буддизма наряду с Риндзай и Со:то:, поэтому комплексное рассмотрение религиозно-философского мировоззрения и ритуальных практик данной школы, как наименее изученного из трех крупных направлений японского дзэн-буддизма, позволяет восполнить определенные пробелы в изучении истории буддизма в российском японоведении.

Общая методология данного диссертационного исследования базируется на принципах историзма, объективности, ценностного, системного и диалектического подходов, описания, анализа и синтеза, что позволяет автору на основе объективного анализа источников с учетом времени их создания и политico-идеологических взглядов их авторов определить и исследовать процесс исторического развития школы О:баку как в Китае, так и в Японии, ступени его интеграции в новую конфессиональную и культурную среду, раскрывая взаимодействие и взаимосвязь его компонентов. Помимо этого, в ходе исследования были применены следующие специально-исторические подходы и методы: историко-типологический, историко-генетический, историко-сравнительный, синхронный и диахронный. Использование подобных методов исследования предоставило автору возможность определить общие тенденции во взаимодействии между буддийскими школами Китая и Японии;

проанализировать роль школ японского буддизма в социальных процессах периода Эдо; выявить особенности формирования школы О:баку в Японии в контексте исторических условий, и установить причинно-следственные связи и закономерности в процессах освоения японцами нового дзэн-буддийского учения. Автор также применяет и историко-биографический метод, показывая, как повлиял личный авторитет и творческая деятельность основателя школы О:баку Ингэна Рю:ки, его ближайших учеников Мокуана Сё:то:, Сокухи Нёицу и других японских последователей на популяризацию этого учения в аристократических и интеллектуальных кругах.

Что касается научной новизны данной диссертационной работы, то следует отметить, что она является первым специальным исследованием в отечественной науке школы японского дзэн-буддизма О:баку. В ходе исследования автором были проанализированы разнообразные социо-политические факторы, сложившиеся в Китае конца династии Мин и Японии начала периода Эдо (нестабильная обстановка, вызванная общим упадком династии Мин и началом маньчжурского вторжения, стабильность внутриполитической обстановки, влияние китайской диаспоры в Нагасаки, нуждавшейся в буддийских монахах для отправления религиозных нужд на родном языке; покровительство князей-даймё и сёгуна, опыт многовекового культурного взаимодействия с Китаем и т.д.), и сделан вывод о том, что именно комплекс этих благоприятных условий способствовал успешному распространению учения О:баку на Японских островах. Особый интерес представляет та часть работы, в которой исследуются доктрины школы О:баку, представлявшие собой сочетание практик дзэн-буддизма и амидаизма, что являлось вполне типичным для минского Китая, ноказалось немыслимым для Японии, где школы амидаизма и дзэн-буддизма являлись идеологическими соперниками. Однако, как отмечает автор, подобный синкретизм не подразумевал равного внимания к элементам обеих традиций, поскольку суть учения О:баку всегда оставалась дзэн-буддийской, и ключевое значение придавалось дзэнским подходам к поиску просветления,

несмотря на то, что Ингэн Рю:ки и его последователи в своих религиозных церемониях использовали элементы ритуальной практики амидаизма. Примечательно, что подобный синтез дзэн-буддизма и амидаизма в доктринах и ритуалах школы О:баку, с одной стороны, вызывал критику со стороны других буддийских школ, с другой, делал ее привлекательной для широких народных масс благодаря открытым красочным церемониям, привезенным Ингэном из Китая, архитектуре храмов и экзотическому виду монахов. В ходе своего исследования автор представленной диссертации формулирует теоретический вывод о том, что именно внешняя часть учения, наглядно демонстрирующая его происхождение и связь с материковым Китаем, пробуждала среди японцев особый интерес, поскольку давала шанс соприкоснуться с иной цивилизацией в стране, закрытой от внешнего мира.

Следующий значимый теоретический вывод автора диссертационного исследования связан с рассмотрением искусства О:баку, представлявшего собой творческое наследие китайских монахов-эмигрантов и их японских последователей. Прежде мало исследованный, данный вид буддийского искусства является уникальной частью культуры Японии периода Эдо, которую можно рассматривать как один из поздних элементов, возникших в процессе многовекового культурного взаимодействия между Японией и Китаем. Как показывает автор, творческое наследие китайских патриархов О:баку и их японских последователей благодаря своему происхождению оказало определенное влияние на трансформацию отдельных жанров изящных искусств, что выразилось в появлении т.н. «китайских стилей» в каллиграфии и живописи. Впоследствии искусство О:баку, как и само учение, начало постепенно «японизироваться», однако его первоначальные образцы периода Эдо сохранили уникальные черты китайской культуры периода Мин, в живописи, каллиграфии и буддийской архитектуре.

Представленное диссертационное исследование демонстрирует большой фактологический материал, показывающий, что жизнеописания выдающихся представителей школы О:баку в полной мере отражают

историю её формирования. Активное участие монахов школы О:баку, (как китайцев, так и японцев), помимо религиозной и творческой деятельности, в общественной жизни также способствовало популярности этого нового направления дзэн-буддизма в период Эдо.

При проведении исследовательской работы автор опирался на китайские и японские источники, пользуясь при этом такими источниковоедческими методами, как интерпретация и синтетическая критика источника. Основной базой послужили официальные документы династии Токугава, такие, как «Токугава дзикки 德川実記» («Подлинная хроника [дома] Токугава», 1809-1849), хроники династии Мин («Мин шилу 明实录», «Правдивые записи о правлении династии Мин»), а также частные сочинения, представленные записями монахов О:баку и их современников. Немаловажно, что в качестве источников автором была проведена работа с некоторыми каноническими буддийскими сутрами («Сутра помоста Шестого патриарха» («六祖坛经», кит. «Люцзу таньцзин», яп. «Рокусоданкё:»; «Амитабха-сутра» («阿弥陀经», кит. «Амито-цзин», яп. «Амидакё:»), на чьи философско-сoterиологические положения ориентировались те из традиций чань-буддизма и амидаизма, которые впоследствии легли в основу религиозной системы школы О:баку. Наконец, особую ценность диссертационной работе придает исследование творческого наследия монахов О:баку, представленного в собраниях предметов быта, картин, гравюр и каллиграфических работ, отраженных в японских материалах выставок, посвященных искусству О:баку, давая возможность наглядно оценить вклад представителей О:баку в формирование многогранной эдосской культуры.

Диссертационная работа также предоставляет большой фактический материал из истории литературы минского Китая, однако здесь следует отметить, что, ссылаясь на исследования отечественных специалистов последних лет, автор почему-то не упоминает фундаментальные работы Б.Л. Рифтина, К.И. Голыгиной, А.Н. Желоховцева, О.Л. Фишман, Л.Н.

Меньшикова, Н.Т. Федоренко, включающие в себя как переводы на русский язык основных образцов китайской классической поэзии и прозы этого периода, так и тщательный литературоведческий и историко-культурный анализ, связанный, в том числе, и с влиянием буддийской религиозной доктрины.

Недостаточная осведомленность автора в вопросах историографии проявляется также и в рассуждениях о прямом влиянии китайских культурных традиций на японскую духовную сферу (с. 27). Здесь приводится, главным образом, ссылка на цитату Е.А. Торчинова, однако только её одной, в данном случае, недостаточно, учитывая то, как широко была исследована эта тема в трудах японских и западных специалистов-буддологов Курода Тосио, Иянага Нобуми, Абэ Рюити, Микаэля Адальфсона, Фабио Рамбелли и др. В данном случае, помимо трудов Е.А. Торчинова, следовало бы также сослаться на мнение по данному вопросу хотя бы двух или трех из вышеперечисленных авторов.

То же самое можно сказать и про анализ истории чань-буддизма во втором разделе первой главы «Религиозно-философские основы учения О:баку: история формирования», где автор совершенно не упоминает фундаментальные труды Н.В. Абаева, а также другие значительные работы проведенные в этой области А.С. Майдановым «Коаны чань-буддизма как парадоксы», М., 2008; Д.Г. Главевой «Традиционная японская культура: специфика мировосприятия», М., 2003; А.В. Чебуниным «История проникновения и становления буддизма в Китае», Улан-Удэ, 2009.

Следует отметить также ряд неточностей в описании церемонии посвящения *сандан кайэ* школы О:баку. Во-первых, на с.77 указывается японское название *сями дзиккай* только для первых десяти обетов, однако отсутствуют соответствующие термины для двухсот пятидесяти обетов высшего монашеского посвящения и пятидесяти обетов бодхисаттвы. Во-вторых, на странице 78 сказано, о том, что обеты послушников и двести пятьдесят обетов полного посвящения базировались на традиции Тхеравады,

что является ошибочным, поскольку двести пятьдесят обетов полного монашеского посвящения были характерны для другой традиции *винаи* – Дхармагуптака (кит. Сифэнлюй, яп. Сибунрицу), которая и была главным образом представлена на Дальнем Востоке, в отличие от *винаи* Тхеравады, распространенной в странах Юго-восточной Азии, которая предписывала соблюдать 227 монашеских заповедей. В-третьих, здесь практически ничего не говорится о церемонии посвящения для монахинь, которым предписывалось соблюдать 348 заповедей *винаи*, что делает историю монашеского посвящения в школе О:баку неполной, особенно если учесть, что в последней главе диссертации автор упоминает об особой роли монахинь в истории распространения традиции О:баку в Японии, ссылаясь на биографию Рё:нэн Гэнсо.

Наконец, к числу недостатков работы можно отнести ряд деталей технического характера. Автор проявляет явную небрежность в оформлении русской транскрипции японских терминов, некоторые из которых выделены кавычками, но в большинстве своем никак не выделяются в тексте. Другая небрежность прослеживается в порядке упоминания китайских и японских иероглифов. В работе в основном приводятся иероглифы названия школы О:баку, имен её основателя и его последователей а также некоторых терминов. Однако при этом почему-то не упоминаются иероглифы названий других известных буддийских школ, имен их патриархов, исторических лиц, в частности, тех сёгунов и князей-даймё, которые покровительствовали школе О:баку, названий храмов, буддийских трактатов и литературных сочинений, что создает впечатление некоторой фрагментарности в оформлении.

Однако, следует отметить, что все высказанные замечания не снижают общей положительной оценки диссертационного исследования.

Результаты, полученные диссидентом в ходе написания данной работы, соответствуют поставленным целям и задачам. Содержание

автореферата полностью соответствует основному содержанию диссертации, также как и опубликованные автором работы по теме диссертации.

В целом, диссертация представляет собой завершенный научно-исследовательский труд, делающий существенный вклад в разработку проблематики истории буддийской философии, религиоведения и культурологии. Новые научные результаты, полученные диссидентом, имеют существенное значение для понимания исторических процессов появления новых религиозных институтов, их интеграции в социокультурную среду и сопутствующие этому процессы адаптации и трансформации. Выводы диссертационного исследования достаточно обоснованы. Диссертационная работа и автореферат полностью соответствуют требованиям п 7. Положения ВАК РФ «О порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история.

Официальный оппонент
доктор философских наук,
старший научный сотрудник,
отдел истории и культуры Древнего Востока,
Федерального государственного
Бюджетного учреждения науки
Института Востоковедения
Российской Академии Наук
Москва, 107031, ул. Рождественка 12
специальность 09.00.14 – философия религии и религиоведение
(философские науки),
89163719671, lenalepekhova@yandex.ru

Е.С. Лепехова

